

* * *

Поэты в городе гостили
и... не случилось ничего:
мещане дружно ели, пили
в угоду чрева своего,
юнцы кололись героином,
копался в грядах ветеран
и для утех простолюдинов
светился голубой экран.
Но все ж десятка три сограждан
в назначенный собрались срок,
и стал на этот вечер каждый
печальник, мытарь и пророк.
Им гости вперевод читали,
срывая словно тормоза!

Слезой и мыслью отвечали
им благодарные глаза...
Катилась месяца монетка
за равнодушные дома,
над тоненькой тетрадкой в клетку
сидела девочка впотьмах.
Ей стал казаться город странным,
с душой, закрытой на засов,
а мир иной и пестротканый
врывался вереницей слов!
Ее пером перед рассветом
недоумение вело:
гостили в городе поэты
и не случилось ничего?!

* * *

Идти без цели в глушь березняка,
сойдя с просёлочной размокшей глины,
в ориентиры выбрав на пока
столбы заросших телефонных линий,
и размышляя праздно обо всём,
неволью перейти – о смысле жизни,
что так естественно в раю лесном,
как, впрочем, и везде не будет лишним,
о смысле жизни – с сердцем тет-а-тет,
наполненным слепой горячей кровью
страстей, тревог и призрачных надежд
до ангельского пенья в изголовье...

О смысле жизни, впрочем, высоко
замахиваться думой не без толку ль –
тотчас сомненье хладною рукой
возьмёт за горло мёртвой хваткой волка.
Не слаб ли разум твой ответ искать –
каким умам он прежде не поддался?!
Но для чего-то думалось опять?
Куда пути ведут, понять пытался,
как всё ж куда-то именно вели
те же столбы своими проводами?
И для чего-то Боже одарил
непрожитыми наперёд годами?

СТРАНА ЕСЕНИНА

Ещё страна берёт в свой плен,
страна – колосс, фантом де-юре,
страна, встающая с колен
в преддверие вселенской бури.

Его ж России больше нет.
И лик её запечатленный –
в посмертной маске горький след
слезы твоей, Сергей Есенин.

Твоих стихов небесный китч,
сочит, как кровь из русской раны.
Кому – как журавлиный клич,
Кому – сорваться песней пьяной.

Дохнёт надрывная строка –
и свет души разгладит лица.
Не потому ль так дорога
нам песнь крестьянского провидца?

МУЗА

На подоконнике сидела
в бумажных простеньких чулках,
в мои глаза она глядела
и плакала в моих руках.

Я целовал её колени
и их запретное тепло
текло в строку стихотворенья,
что долго сердце берегло.

А вечером заулок сонный
встревожит разудалый свист.
Через остывший подоконник
в дом влезет пьяный тракторист.

Она его привычно примет,
давно поповшая в силки,
а тот неторопливо снимет
с неё бумажные чулки.

ТВОЙ ОБРАЗ

И хотя он давно уже – памяти дуновение,
юности слабое и чистое стихотворение
с робким «NN» его посвящения,

твой образ застыл с твёрдостью геммы,
как знак вторжения гендерной темы,
с небесного и земного вечной дилеммой,

и дрожь твоего худенького плеча,
как на сердце выжженная печать –
всё ещё горяча.

1

Вот читаю, Лёша, друг ты мой хороший,
загораясь, строфы жаркие твои –
дых сжигая перцем, прут, взрывая сердце,
нет на них Главлита, нет на них ГАИ!
Их читать мне любо, потому что любы
строчек закорючки, просто не могу –
в грудь вонзились жалом, разожгли пожаром
кровообращение в мозгу.

Сгоряча и грезя, плача и горюя,
и высоким слогом, в мать и перемать!..
Только если бредишь так о нашей жизни,
о посмертной славе можно помечтать.
Поэты ли мы, Лёша, леший его знает,
раздувает ноздри наш лихой Пегас,
и покажет время, что целуя в темя,
Боже не ошибся, привечая нас.

2

Поэт – терпила всех времён,
всемирного терпенья клон.
Тер-петь – петь в терцию с судьбой,
от слёз немеющей губой,
и смерть пытаться рифмовать...
у гроба, где родная мать,
и ямбом бредить... в туалете –
вот участь мерзкая поэта.
А все духовные порывы
не превращаются в прорывы,
как вновь пришедшая любовь
лишь отравляет кровь.

«Поэт – зри в корень, щупай атом...»
Поэт – патологоанатом?
Насмешник, пьяница, борец,
провидец, сволочь наконец,
люби жену, а если край –
подол берёзам задирай,
снимай домашнее кино,
смакуй дешёвое вино,
потом над этим воспаряя,
в бирюльки с музами играя,
гляди на это всё внизу
сквозь однозначную слезу...

Поэт, ну это разве званье,
скорее, глупое призыванье
глаголом жечь, искать родник,
мычащий веселить тростник,
не превращая ни в кого,
не изменяя ничего.
«В ком наше слово отзовётся»...
Когда уж соловей очнётся?
Конец всему, как ни свисти!..
Лишь ник твой будет жить в сети...
И как поэту с этим жить,
и что на это возразить?

* * *

Пора уже славить любовниц,
простушек и ветреных жриц:
дай счастья вам, грешно-безгрешным
из сонма прекрасных блудниц,
что жизнь мне наглядно казали
посредством своих неглиже –
всем вам, что меня вспоминают,
вдвойне – что забыли уже!

Ну кто тут с камнями, бросайте!
И бросят, хотя бы жена!..
Тропинка из рая земного
в небесный давно сожжена.
Кто ж юность пропел без огрехов?!
Беру на себя все грехи.
Девчонки, а вам в оправданье –
нескромные эти стихи!

* * *

Будь хоть рабом, хоть полубогом,
коль жизнь твоя рассечена
легендой, сплетней, некрологом,
яснее ль от того она?

Пень всё о дереве расскажет,
всей жизни выдаст естество,
по кольцам спила всё покажет,
да только дерево мертво.

Вот в луже, по границе сфер
скользит бесстрашно водомер,
и ведь, мудрец, не режет, глядь,
живой воды живую гладь!

* * *

Уводил её в сирени,
трогал спелые колени,
проливал, смеясь, «бордо»,
чтоб поцеловать бедро,
с позволенья баловницы

нежно гладил ягодицы,
был так нежен и влюблён...
Вот такой приснился сон!
...Под покровом платяица
тайна жизни прячется.

* * *

Клепают тоннами куплеты!
Не пропадёт упорный труд,
ведь сонмы нынешних поэтов
конец поэзии куют.

ПРОСТИ

Ты как во поле берёза,
как в жару глоток воды.
Без тебя – ну вытри слёзы! –
ни туды и ни сюды.

Ты особого закрой –
с тобой любо рядом лечь.
Из берёзы дом не строят,
ею топят в доме печь.